

Ольга Черниенко

РАССКАЗЫ

ОЛЬГА ЧЕРНИЕНКО (род. в 1952 г. в Ставрополе) — музыковед, писатель, зоозащитник. В прошлом — старший научный сотрудник ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, руководитель творческого объединения «Диалог», автор книг о современной музыке. После выхода на пенсию проживает в Подмосковье, в загородном доме, ставшем приютом для животных, брошенных дачниками на произвол судьбы. Сейчас у неё живут 19 подобранных кошек и собак. Их трагические истории описываются в рассказах. В нашем обществе животные не имеют прав и не могут рассказать о себе, — Ольга Черниенко пытается сделать это за них.

Блажен, кто положит душу за други своя...

— Сдохни, дура юродивая!

Пучок горящей соломы, брошенный в окно, падает на деревянный пол, и вот уже польхает скамья, рвётся пламя к соломенной крыше. Бьётся с огнём старица, мечется по деревянной келье. Дым ест глаза, тяжело дышать, загорелось платье...

Но не оставил Бог блаженную — пожар чудом прекратился, монахиня же получила сильнейшие ожоги. Шесть недель не могла встать с постели, и люди забыли о ней. Лишь ворон ручной приносил в клюве корочки хлеба, ягоды, воду. Кошки согревали в лихорадке, тесно прижимаясь к босым ступням, и покой охраняли три собачки — Милка, Розка, да Барбоска...

Евфросиния животных чтит. Повсюду её сопровождали собаки и кошки, голуби садились на плечи, стая галок летела вслед. Крылатых и четвероногих друзей своих монахиня кормила из собственных рук.

— Почему вы спите рядом с животными, на земле? — удивлялись навестившие её.

— Я хуже них!

— А зачем столько животных держите? Ужасный воздух, запах...

— Этот запах заменяет духи, которые я слишком много употребляла при дворе, — с улыбкой отвечала она.

Прежде Евфросиния была одной из самых любимых фрейлин Екатерины Второй. Блестяще образованная, умная и очень красивая женщина, княжна Евдокия Вяземская однажды решила бежать из опостылевшего мира дворцовых сплетен, интриг, чересчур вольных нравов, чтобы принять крест подвижничества. Вместе с двумя подругами инсценировали утопление: бросили на берегу пруда нарядные платья, переоделись в крестьянскую одежду и стали скитаться по монастырям, выполняя там самую тяжёлую, грязную работу.

Княжна Евдокия доила коров, чистила хлев, пекла просфоры, трудилась в поле. Испытав в лишениях стойкость духа, сумев побороть человеческие слабости, обратилась она с просьбой к митрополиту Московскому за благословением на подвиг юродства под вымышленным именем «дуры Евфросинии». И направил её митрополит в серпуховской Владычный монастырь, где жила она в тесной деревянной избушке-келье, вместе с животными — кошками, собаками, птицами. И прославилась добротой, великодушием, милосердием ко всем страждущим.

Всё, созданное Творцом на Земле, имеет душу, память, своё предназначение. Жизнь каждого создания — бесценна. Ибо всё на планете взаимосвязано: люди, звери, растения — исчезновение одного вида неминуемо приведёт к гибели всего мира.

Но человек, созданный якобы «по образу и подобию Божьему», присвоил себе неограниченное право распоряжаться жизнью других божественных творений. Однажды преступив заповедь «не убий», начал бессмысленно уничтожать всё, что ему «мешает жить»: животных, растения, землю, людей, положив, тем самым, начало собственной гибели.

Следовательно, представление о себе как «подобии Бога» неверно, ибо Бог — Созидатель, человек — разрушитель. И спасти этот гибнущий мир сможет лишь созидательная любовь ко всему живому.

* * *

Ольга остановилась у мусорных баков, прислушалась. Где-то рядом раздавался жалобный писк. Приглядевшись, на куче мусора увидела четырёх дрожащих от холода щенков.

— Малыши... не более трёх недель, глазки ещё голубые... кто ж вас выкинул на мороз?

Женщина взяла щенка в руки и ощутила под пальцами трепет маленького сердечка. Испуганные глазки, дрожащее тельце, совсем чистые, атласные подушечки лап и запах сладкого молочка...

Похоже, малышей только что оторвали от материнской груди. Щенки взволнованно зевали, от страха подрагивали кончики ушей. Ради чего-то столь беспомощные, трепетные создания появились на свет? Стать объектом неоправданной человеческой ненависти и, едва родившись, принять мученическую смерть? Сколько их — утопленных, задушенных, истерзанных? Неужели и этим крохам суждено замёрзнуть, так и не узнав солнышка, травки, человеческой любви?

Ольга вдруг ясно поняла: если она пройдёт мимо горя несчастных, станет виновной в их гибели.

— Возьму на время, потом пристрою в семьи!

А через неделю соседские ребятишки притащили троих совсем крохотных котят, они даже есть самостоятельно не умели. Спустя месяц в подъезде дома истекала кровью маленькая рыжая собачка — на шее глубокая ножевая рана. Так Ольга встретила свою верную Рыжуху. И опустевшая после отъезда замужних дочек квартира приняла новых жильцов. С каждым месяцем их становилось больше. Милка, Хвост, Черныш, Верный...

После объявленного правительством дефолта 1998 года россияне, потерявшие все свои сбережения, работу, внезапно превратившись в нищих, стали массово избавляться от домашних питомцев.

Сколько породистых и метисов, лохматых и короткошёрстных, маленьких и больших было обречено на холодную и голодную смерть, если, конечно, «повезёт» им избежать лап живодёров! Ольга часто слышала вой около своей квартиры — животных стали подкидывать.

Нередко отбирала кошек и щенков у подростков, играющих несчастными в «футбол», находила избитых, с переломанными конечностями, ножевыми ранениями, полуслепых, обмороженных, умирающих от голода...

Горемыки, качаясь от слабости, жадно хватали еду. Согрешившись, мгновенно засыпали. словно измученные путешественники, побывавшие в горниле ада, спали по несколько суток, а придя в себя, подозрительно обнюхивали людей, испуганно поджимали хвосты, взвизгивали при виде резко поднятой руки, и отчаянно боялись выходить на улицу, опасаясь лишиться неожиданного пристанища.

Проходили недели, прежде чем окончательно убеждались — они среди добрых людей! И закончились скитания, постоянный ужас перед тем, что начиналось за дверью Ольгиной квартиры.

Каждый из спасённых, уже однажды ощутивших свою ненужность в этом мире, чувствовал безмерную благодарность милосердному человеку. В глазах уже не было страха, а лишь наивная детская доверчивость — ведь

собаки никогда не стареют. И с растущим доверием рождалась любовь... Согретые теплом человеческой души, превращались они в бесконечно преданных, нежных, любящих и удивительно красивых созданий.

Когда же количество спасённых перевалило за десяток, попробовала Ольга найти им новых хозяев, но собаки убежали, возвращались к её дому, уже ставшему родным. А кому-то из них просто не повезло — новые владельцы оказались людьми нерадивыми, и животные вновь превратились в бродяг. С тех пор Ольга опасалась пристраивать животных. Они все — мои. Всё равно, что родных детей отдать чужим людям...

Но содержать всех было тяжело — выгуливала поочерёдно, небольшими компаниями, средств на корм хватало не всегда. Морально страдала от постоянной злобы, колких замечаний, дурных реплик и угроз со стороны соседей по дому.

— Убирай своих шавок — нет возможности нормально жить.

— Но вы же сами выбрасывали, калечили, подкидывали к моим дверям! Куда же их убрать? Убить? Усыпить? Скажите, кого я должна усыпить, кого? Как можно быть столь чудовищно жестокими?

— Не уберёшь, всех изведём, всех... — шипели за спиной.

* * *

В нашем безбожном обществе большая часть людей очерствела душой, беспощадна, немилосердна к окружающему миру, и к тем, кто не приемлет эту жестокость и бесчеловечность, поскольку сама жизнь великодушных, гуманных, сострадающих, доказывает бессмысленность, убогость и ничтожность существования бездуховного большинства.

И мстят людишки с грязной душой, жестоко мучая, уничтожая беззащитных и бесправных животных, чтобы доставить как можно больше душевных страданий их защитникам.

Когда по всей России разнеслась молва о праведнице Евфросинии, её доброте, прозорливости, целительских способностях, повелела игуменья серпуховского Владычского монастыря убить всех собак блаженной, дабы больнее ранить душу почитаемой всеми «дурочки», земной славе которой люто завидовала.

— Слишком много грязи от её животных!

И плакала старица:

— Собак убили — лучше б меня...

Не смогла оставаться более при монастыре — отправилась она странствовать пешком по полям и лесам Тульской губернии. И везде, где останавливалась, лечила людей, подбирала бездомных собак и кошек, выхаживала. Помещица Протопопова в благодарность за исцеление построила в имении своём недалеко от Алексина светлую горницу для старицы. Мягкой мебелью обустроила, деревья и цветы посадила вокруг.

Но блаженная поселила в хоромаш своих друзей — собак да кошек, индеек, кур да цыплят, и жили они в полном согласии друг с другом. Сама же уютилась в маленькой, убогой каморке.

* * *

Каждый раз, собираясь с собаками на прогулку, Ольга чувствовала тревогу, сердцебиение, дрожали руки. Постоянное, унижительное чувство страха стало причиной бессонницы. Уехать бы из душного, суетливого города, покинуть «каменные джунгли» городского Ада! На свободу, где свежий воздух, в бескрайние поля, леса! Дышать полной грудью, валяться в душистой траве, купаться в озере, греться на солнышке! Обрести успокоение, чтобы душа, наконец, смогла расправить крылья.

— Мой внук астмой заболел из-за собак твоих! Умирает! — визг соседа прервал Ольгины грёзы. — В суд подаю! И добыюсь — собак твоих усыпят!

Суд состоялся — телевизионный... И Ольга его выиграла: выяснилось, что «умирающему ребёнку» было 25 лет и он попросту «косил» от армии.

Конечно, содержать такое количество животных в городской квартире уже было нельзя, но и выпустить на улицу, где их отловят, убьют, сдадут на опыты, не могла. Муниципальных приютов же в ту пору не было.

Дочери предложили помощь в покупке дома за городом. Подальше от «людей», в глуши, где животные будут свободно гулять по участку!

И вот, наконец, долгожданная покупка домика с участком в 40 соток! Заброшенная деревня Игумново Тульской области, где живут лишь несколько старух да пара алкоголиков, находится в 160 километрах от Москвы. Не страшно, что нет водопровода, отопления, газа. Колодец в километре от дома — воду всегда принесём, есть электричество — кашу сварим. Зато гуляем по своей земле, и весенний воздух наполняет лёгкие, и голова кружится от восторга!

С продуктами — проблема: передвижная продовольственная лавка работает только летом, а зимой не всегда и на тракторе до деревни доберёшься. Крупы и консервы привозил муж Вадим из Москвы.

Летом, когда Ольга появилась в лавке, её встретило грозное молчание местных старух. Она давно заметила — с ней не общаются. Поджимают губы, смотрят с осуждением.

— Ишь, прикатила! Москвичка! Тут наша земля! Пришлые — не нужны! — зашипели бабки. — Людям жрать нечего, а она собак кормит!

Ольга вдруг физически ощутила тяжёлую человеческую злобу, и невозможно стало дышать: она и здесь — не как все...

— Участковый сказал вам продукты не продавать — собакам скормите, — торжественно объявила продавщица, — Ехайте в свою Москву — там покупайте!

— Да, я приказал! Я здесь власть и хозяин! — в лавке появился Вадим Родионов, хамоватый и наглый местный участковый. — И собак твоих перестреляю! Так что, лучше убирайся, пока жива!

— Вот и правильно! А мы ещё и красного петуха пустим! — ржали алкоголики.

Ольга молча покинула лавку. Да и что она могла ответить? Напомнить Писание: «Блажен, иже и скоты милует»? Православных подвижников, предпочитавших зверя накормить, нежели самому поесть? Рассказать, как болит душа человеческая за всё живое вокруг? За утопленного котёнка, избитого, замученного щенка, бессмысленно срубленное дерево, загаженный мусором лес... Разве поймут её те, кто милосердие возводит в разряд преступлений?

Вольеры для животных строить не стали: страшно селить собак на участке, где в любой момент их могли застрелить, отравить, поджечь. Жили все вместе в доме, и каждый день встречали, как последний...

Вскоре Вадим потерял работу — практически не на что стало существовать. И теперь часто уезжал в Москву в поисках любого заработка. Из столицы привозил только хлеб, и Ольга делила его на равные части для всех животных. Когда же удавалось достать крупы, круглые сутки варила кашу. Ни о каких гуляниях в лесу, купании в озере речь уже и не шла.

Одно было счастье — животные и их любовь. Экономили на всём, даже на дровах. И когда закружили метели, ударили морозы, согревали кошки и собаки замерзающую хозяйку не только своим душевным теплом.

— Может, уехать оттуда? — волновались родные.

— В Москву? Опять скандалы начнутся. Не поеду никуда. Придут убивать — погибну вместе с ними, сгорят — и я с ними, в огонь. Не брошу их никогда.

А ещё, повадились алкаши.

— Ты собак на мясо откармливаешь, в ресторан продаёшь? — дышал перегаром в лицо и ухмылялся местный урка. — Денег, наверное, уйма! Вот, забери шавку! — и вытащил из мешка крохотного щеночка. — Дашь на бутылку — не убью его, не дашь — голову об дерево размозжу!

И Ольга отдавала последнее, что у неё было, даже кольцо обручальное...

То, что случилось дальше, известно лишь со слов свидетелей трагедии. 13 февраля 2001 года соседи увидели, как из-под крыши домашнего приюта Клягиных валит дым. И мечется Ольга в дыму, собак выносит. Выбегает из дома, кашляя, с собаками на руках, под ногами, вышвыривает их подальше в снег. И снова в горящий огонь, чтобы успеть спасти ещё кого-то.

— Брось своих шавок, погибнешь! — кричали ей.

Но Ольга вновь нырнула в дом, за животными...

И раздался хлопок, вышибло окно пламенем, рухнул дом, погрёб под собой Ольгу, тридцать собак, десяток кошек и двух котят. Двадцать собак всё же удалось ей спасти. Так они и сидели на пепелище растерянно до приезда участкового Родионова. Тогда-то он и убил первую — Рыжуху, защищавшую останки хозяйки...

Спустя два дня вернулся из Москвы Вадим — ему сообщили о трагедии через третьих лиц. Долго потерянно бродил по участку. Не смог он тогда увезти всех спасённых женой животных. Забрал малую часть, остальных запер в уцелевшем сарае.

— Присмотрите за ними, пожалуйста, — попросил соседей, — договорюсь с машиной, приеду через пару дней.

Но спасти их от местных живодёров не успел — опоздал на два часа. Когда несколько собак, убежавших во время пожара, вернулись на пепелище, местные алкоголики злобно кривились:

— Оказывается, не все твари сдохли! — И жажда крови переполняла упырей. Ведь даже в трагической гибели Ольга превзошла их своим жертвенным подвигом. 18 февраля Родионов, собрав из соседних деревень охотников, устроил на участке Клягиных кровавую бойню.

Обложив собак, словно лютых хищников, десяток здоровых мужиков методично расстреливали мечущихся в ужасе, пуделей, болонок и щенков. Били прицельно — в голову. Убить же запертых в сарае и вовсе не составило труда. Так погибли Милка, Хвост, Черныш, Верный, спасённые Ольгой дважды — от голодной смерти в столице и на пожаре в деревенской глуши...

Расследования дела не состоялось. Официальной причиной пожара была названа неисправность электропроводки. Останки жены Родионов выдал Вадиму в картонной коробке, и прах Ольги Клягиной был захоронен на Митинском кладбище в Москве. Ей было 49 лет.

«Блажен, кто положит душу за други своя».

Православная подвижница Евфросиния была канонизирована в 1988 году, спустя сто тридцать лет после смерти, как местночтимая святая Тульской епархии в лике блаженных. Имя Ольги Клягиной почти забыто, хотя прошло с тех пор всего сорок четыре года...

Лёшка

— Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоя Анна, — монотонное бормотание в соседней комнате заставило Алексея проснуться. — Ты же, яко Человеколюбец Бог, прости ея и помилуй, вечныя муки избави.

В приоткрытую дверь комнаты Лёшка видел горящую лампаду у иконостаса и тень старушки, отбивающей поклоны. Вся сцена казалась нереальными кадрами исторического фильма — никогда ранее не звучали в доме молитвы, икон не было.

— Небесному Царствию причастницу учини, и душам нашим полезная сотвори! — старушка отвесила глубокий поклон и зашаркала в комнату внука. — Лёш! Слышь, Лёшка! — позвала негромко. — В церковь пойдёшь? Сегодня уже девять дней...

Мальчик не ответил — накрывши голову одеялом, притворился спящим. Альма глухо заворчала — бабку как родное существо пока не признавала.

— Ну ладно, спи! Я пошла, панихиду закажу, с батюшкой поговорю — надобно освятить квартиру. Вечером люди придут, стол ещё готовить.

Странно было видеть в доме почти незнакомую женщину в платочке, стоптанных туфлях, длинной шерстяной кофте и осознавать: судьба твоя отныне зависит от этого человека.

Отца своего Лёша не помнил — он погиб ещё в Первую Чеченскую. Баба навещала редко, и почему-то всегда весёлая, гостеприимная мать была с ней сдержана, неразговорчива. Захлопнулась входная дверь и мальчик тут же вскочил. Виляя хвостом, подбежала Альма, сунулась мокрым носом, лизнула в щеку.

— Идём на наше место, собачка? Гуляем сегодня — в школу не пойдём!

В лесу было сыро, пахло грибами, ветер раскачивал вершины берёз, а в голубом сентябрьском небе проплывали маленькие кудрявые облачка, похожие на Альму в щенячьем возрасте. Собака некоторое время приняла и, учуяв знакомые следы, бросилась исследовать кусты и тропинки вокруг деревьев.

Неужели запах сохранился? Возможно. Всего десять дней назад здесь вместе с мамой собирали грибы. Подберёзовики и подосиновики, нанизанные ею на ниточки, так и висят дома над газовой плитой. Их терпкий запах напоминает о недавнем прошлом, и острая боль утраты сжимает сердце осознанием непоправимого.

— Почему не позвонила мне, мама? Я бы тебя встретил...

Лёша обнял ствол высокой лиственницы, разрыдался. Только здесь, вдали от людей, он дал волю своим чувствам. Под этой лиственницей после

длительной лесной прогулки они отдыхали, пили чай с бутербродами. Кажется, сейчас раздастся её голос:

— Лёш! Посмотри, какого красавца нашел!

И увидит он маму — высокую, стройную, в голубом спортивном костюме, в руках — гигантский крепкий боровик на полкило весом!

Как близко всё и невозвратно... Альма, не обнаружив в лесу родного человека, вернулась, прижалась к Лёшкиной ноге, жалобно заскулила.

Долго сидел Алексей под деревом, прислушивался, вспоминал последний день.

— Красота! Солнце греет, как в июле! — прикрыв глаза, мама наслаждалась последними тёплыми лучами бабьего лета, — Лес, словно храм!

И, помолчав, добавила:

— Зачем ходить в церковь, если хочешь поговорить с Богом? Шумят деревья, поют птицы, журчит родник под камнем — всё Его голос... А люди идут в храм, выпрашивают здоровья, удачи, денег... Зачем молить о материальных благах? Разве не одарены мы ими с рождения? Солнце, деревья, плюшевый мох, ягоды и грибы — разве не богатство? А голоса птиц — самая лучшая музыка в мире! И животные! Посмотри на Альму! Не она ли своей любовью делает нас самыми богатыми и счастливыми? Деревья тоже имеют душу! Подойди к любому, обними, прислушайся — узнаешь многое. Выпрашивать милости в храме — пустое — всё даётся по делам и мыслям твоим... Об одном лишь стоит просить: чтобы открылись глаза всех людей: любите всё живое, ко всем Божьим тварям относитесь бережно, и будете здоровы, счастливы, богаты.

— Так почему же Бог позволил умереть тебе — доброй, нежной, справедливой? За что убили тебя?

Не услышал ответа Лёшка — только ветер шумел в вершинах сосен, да собака прижималась к ногам, скулила...

* * *

Альму мама нашла шесть лет назад белым кудрявым щенком. Малютка дрожала, плакала.

— Посмотри, Алёша, у тебя теперь есть подружка! Ты же всегда мечтал о собаке.

— Мам, — промямлил он тогда разочарованно, — я хотел овчарку вырастить, чтобы на границе служить, а эта служить не сможет...

— Будет у тебя когда-нибудь и овчарка. А пока, сынок, кто-то подкинул нам малышку со сломанной лапкой. Будем её лечить, любить, в нос целовать, согласен?

И начались у Лёшки заботы: варил каши для щенка, выносил на руках во двор, пока не зажила лапка, играл, обучал командам. Хоть и был щенок

декоративной породы, не оставлял мечту сделать из неё служебную собаку. Назвал Альмой, в честь героической овчарки-связной, прославившейся своими подвигами во время войны с фашистами.

Коврик собачки был рядом с его постелью, но среди ночи Альма уютно устраивалась в ногах маленького хозяина, мирно сопела во сне. И становилось тогда у Лёшки на сердце тепло, радостно — в его жизни появилось нечто очень важное...

И осознание ответственности за чужую жизнь не было обременительным — мальчик с удовольствием превратился в уверенного, заботливого хозяина. Крохотный, неуклюжий щенок неопределённой породы постепенно преобразился в белоснежную кудрявую красавицу, мягкую, нежную, преданную. Мама звала её ласково — Облачко.

Однажды, обучая собаку, Лёшка забросил мячик подальше в кусты:

— Альма, апорт!

Собака скрылась из виду, и сразу раздался её пронзительный визг: пьяный мужик, с руками в синих наколках, крепко схватил Альму за шею:

— Попалась, тварь — на шашлычок сгодишься!

— Отдай собаку — сейчас сам шашлычком станешь, — десятилетний Лёшка, сжав кулаки, двинулся к мужику.

— Ты чё сказал, сопля? — Альма в руках упыря завизжала громче. — А ну, попробуй, отбери, шкет позорный!

Визг Альмы привлек внимание местных алкашей. Чтобы спасти собаку, надо было действовать быстро. Лёша хоть и выглядел мелким, но уже два года как занимался карате. Молниеносный удар ногой в пах — и алкаш согнулся вдвое. Схватив щенка, Лёшка бросился наутёк.

— Сука! Я до тебя ещё доберусь, из тебя, твоей шавки отбивные сделаю! Запомни! — летели вслед проклятия, а компания алкашей ещё долго ржала над пострадавшим упырём...

— Мама, — спросил он в тот день, — ты уверена, что люди созданы Богом? Почему в них столько злобы?

— Ответ на этот вопрос, сынок, тебе даст только жизнь.

Его мама отличалась хрупкой, неземной красотой. Длинные светлые волосы, голубые глаза, словно осколки неба, добрая улыбка. Лёшке казалось, мама — ангел, спустившийся с небес.

Но красота её была беззащитной. И приходилось Лёшке слышать в её адрес скабрёзные реплики, свист, оскорбления — так местная алкашня пыталась самоутвердиться. Мальчик усиленно занимался спортом и вскоре уже участвовал в областных юношеских соревнованиях. А к шестнадцати годам шуплый «шкет» превратился в рослого, мускулистого, сильного юношу, способному дать отпор любому негодю.

Но девять дней назад его не оказалось рядом с мамой. Её убили прямо на ступеньках подъезда. Восемь ножевых ранений. Свидетелей кровавой расправы не нашлось. Кого она встретила в тот вечер? Кому перешла дорогу? За что?

Алексей вернулся из леса затемно. Из квартиры доносились нетрезвые голоса. Опять бабка пригласила на поминальный ужин любителей халявной выпивки, никогда не знавших маму, Лёшку. Впрочем, из родственников осталась только бабка, ставшая его опекуном до совершеннолетия. Иначе прямая дорога в детдом... Но с появлением бабки квартира, где жил он с рождения, стала чужой и холодной — покинула её душа.

— Батюшка-то обещал квартиру освятить недорого, — рассказывала бабка пьяной компании, — да только приказал собаку убрать, в освящённом доме животных не должно быть. А как её уберешь? Мальчишка в ней души не чаёт, она даже спит в его постели.

Лёшка онемел от услышанного.

— В общем, батюшка приказал — усыпить!

— Правильно! Усыпить! И всё! Чего дурью-то маяться, Степановна! — пьяный мужик едва ворочал языком, но Альма мгновенно среагировала — даже спустя пять лет узнала голос упыря, обещавшего сделать из неё шашлык.

Едва сдерживая рычащую собаку, Лёшка распахнул дверь в кухню:

— Ба! Что этот урод делает в нашей квартире?

— Это ж земляк мой — Витёк, вместе с его матерью в школу ходили, — торопливо начала объяснять бабка.

— Ну-ка, земляк! Ноги в руки и вали отсюда!

За последний год Лёшка вытянулся и теперь был выше упыря на голову.

— Да ладно, брат, забудь! — заискивающе улыбался «земляк». — Я бабushку твою люблю, ещё в детстве меня пирогами кормила. Ты из-за своей псины злишься? Она ж не человек — тварь!

Лёшка не сдержался: схватив мразь за шиворот, пинками вытолкнул за дверь:

— Чтобы твоей рожи поганой больше здесь не было, упырь!

— Витёк нам почти родственник! — причитала бабка, — а мать тебя волчонком воспитала!

— Не трогайте мать! Вы же на поминках! А ещё — верующая! — крикнул в ярости Лёшка. — Пошли все вон! Никаких попов и алкашей сюда больше не приглашать! И попробуйте тронуть собаку! — ярость подростка сменилась рыданиями. — Единственное, что у меня осталось...

Лёшка спешил домой: на занятиях в школе места себе не находил, беспокоился за Альму. Хоть и обещала бабка не освящать квартиру, томился

нехорошим предчувствием. Перепрыгивая через ступеньки, взлетел на четвёртый этаж. Квартира была пуста: коврик Альмы смят, миска с водой разлита... Лёшка выскочил во двор. На скамейке у подъезда сидели бабки-«штирлицы» — говорила мать — они знают всё!

— Тётъ Дусь, бабушка Альму выводила гулять? — запыхался Лёшка.

— Я что, нанялась следить за твоей собакой? — поджала губы соседка.

Остальные «штирлицы» поддержали подругу суровым молчанием.

И тут он увидел бабку с собачьим поводком в руках.

— Собака моя где?

— Вот, сразу собака! Поздороваться по-человечески даже не можешь!

— Где Альма?

— Так пошла с ней гулять — живот у ней заболел, а она вывернулась из ошейника и удрала. Погуляет — придёт! Не переживай!

— Где вывернулась? *Где?*

— Так за сараями, родной, где гаражи, — зачастила старуха и, поняв, что проговорила, прикрыла ладонью рот.

Господи, какой же он идиот! Доверился бабке! Надо было сразу бежать к Витьку, где собиралась местная пьянь! Про гараж Витька ходили легенды — не раз слышали там душераздирающие крики. Дверь не заперта. Видимо, торопился упырь напиться собачьей кровушки...

Дальнейшее Лёшка помнил как в тумане: истекающую кровью Альму с перерезанным горлом, месивом вместо глаз, Витька, зловеще поигрывающего ножом, его змеиное шипение:

— Я же обещал — ещё встретимся! Мать твою, шалаву, завалил, псину на куски порезал, с тобой ща разберусь!

Как остервенело лупил мразь в живот, по почкам, в рыло, как хрустели под кулаком кости... И единственное желание — убить! А когда упырь затих, долго бил ногами его окровавленную и сопливую поганую харю...

Изувеченное тело Альмы Лёшка похоронил в лесу под высокой лиственницей.

— Прости, не сумел защитить ни тебя, ни маму!

Вернувшись в город, сразу отправился в милицию с признанием в совершённом убийстве. В КПЗ приходила навещать его бабка, плакала, причитала, просила прощения. Но Лёша не мог с ней говорить, не мог видеть эти выцветшие глаза, седые волосы в пучок, слышать торопливые оправдания — чувствовал лживость и фальшь во всём.

— Может, тебе и немного дадут, скидку на возраст сделают, если повинись, прощения попросишь. Всё ж Витёк не умер, выжил, хоть и инвалидом стал. Тебе только за тяжкие телесные срок грозит! — бабка вновь зарыдала. — Алёшенька, покайся в последнем слове на суде-то. Тебя простят, и ты прости. Людей прощать надо, так Господь велел!

Простить тех, кто убил маму? Замучил зверски Альму? И растоптал его жизнь? Кто врал и продолжает врать, прикрывшись именем Господа? Разве могут быть «подобными» Богу мрази, устроившие всем живым существам Ад на Земле? Если всё зло на планете исходит от людей — они не *Его* творения! Никогда не сможет он простить — смириться и принять это зло...

Весть о том, что упырь жив, не обрадовала. И когда на суде спросили — сожалеет ли он о содеянном, ответил:

— Жалею... что не убил...

Пёс, который любил смотреть в окно

Его приход в этот мир ознаменовался слабым щенячьим писком. Шершавый язычок мамы нежно облизал глазки, ушки, мордочку, и он впервые почувствовал вкус тёплого грудного молочка. Мама для щенка, как и для всех живых существ на Земле, — тепло, нежность, уют и безопасность.

А ещё возможность после сытного обеда беззаботно спать, уткнувшись носиком в её шерстяной бок, ощущая рядом сопение и причмокивание родных братишек-сестрёнок. И не страшен пронизывающий ветер, проливной дождь, крепкий мороз...

* * *

Лохматая, тёплая мама не появлялась уже несколько дней. Мучительный голод заставил щенка покинуть тёплое убежище под продуктовым киоском.

— Замёрз, малыш? Иди сюда, согрею, — руки незнакомца осторожно подхватили плачущего собачьего карапуза, сунули за ворот пальто, и щенок почувствовал удары человеческого сердца:

— Откуда ты, прекрасное дитя?

От человека пахло табаком и ещё чем-то вкусным — белым хлебом, как узнал позже. Такие крошки малыш находил рядом со скамейкой в мусоре.

— Где твоя мамка? Бросила? Вряд ли... собаки не бросают своё потомство... наверное, погибла... И теперь тебе — маленькому, беспомощному и одинокому — очень страшно! Знаешь, я тоже одинок, мне тоже страшно, — и, прижав щенка к шершавой щеке, предложил:

— Давай вместе бояться?

Каждое утро они гуляли возле дома. Хозяин садился на лавочку, а щенок с весёлым тьяканьем носился за яркими, жёлто-красными листьями, взлетающими в воздух под напором осеннего ветра. Человек счастливо улыбался — есть с кем перемолвиться словом, разделить ужин, скоротать

вечерок у телевизора, уютно устроившись в обнимку на диване, — малыш стал отрадой для исстрадавшейся за долгую жизнь одинокой души.

Щенок же больше не мучился от голода, не мёрз, перестал бояться всего на свете, узнал настоящую любовь. Но в момент наивысшего веселья пёсик вдруг резко останавливал игру, бросался к хозяину, подпрыгивал, ставил лапы на грудь, неистово лизал любимые лицо и руки, заглядывал в глаза... Как будто чувствовал — счастье будет недолгим.

Иногда хозяин засиживался на лавочке допоздна. Утомлённый малыш засыпал у него на руках, и сквозь усталую дрему слышал печальный голос: — Ну вот, опять сын не пришёл, хоть и обещал...

В холодные дни гуляли мало: хозяин сажал щенка на подоконник и они всё время проводили у окна. Пёсик с любопытством разглядывал суесящиеся фигурки людей, потоки машин, настораживал ушки при виде собак, кошек, тьякал на ворон, ловил полусонных мух. Он смутно ощущал тоскливую тревогу, снедающую любимого человека. Стараясь успокоить, щенок жался к груди, искал носом руку, пытался лизнуть в лицо. Ради своего хозяина, за их общее счастье малыш готов был сразиться с самой страшной и зубастой на свете собакой! Порвал бы на кусочки любого...

* * *

В конце октября хозяина увезла машина скорой помощи, и вскоре в квартире появился долгожданный сын. Снял ошейник с пса, вытолкал из дома. И вот щенок на улице, бездомный и очень одинокий посреди огромного, страшного города, где его преследуют с рычанием и визгом ужасные железные коробки на колёсах и движущиеся ноги в туфлях, сапогах, кроссовках, спотыкаются, пинают...

От удара ботинка с железной подковой, пёсик долго не мог вдохнуть и, перевернувшись на спину, бессильно болтал лапками в воздухе.

Сколько может прожить голодный щенок на морозе? Шесть, восемь, десять часов? Испуганный малыш жался к стене рядом с подъездом многоэтажного дома. Пёсику удалось провести прошлую ночь в тепле, под дверью квартиры, несмотря на то, что где-то там, в глубине, угрожающе прыкивала незнакомая собака. Утром проходящий мимо мужчина вытолкал несчастного на мороз. Леденящий ветер давно уже пробил насквозь щенячью шкурку и, казалось, все косточки собачьего скелета стонут под его напором.

Закоченели лапки, нос, а кончик хвостика, спрятанный под впалым животом, уже потерял чувствительность. Когда совсем стемнело, и несчастный стал превращаться в ледяную сосульку, когда смертельная дрема уже овладевала всеми его членами, мягкая варежка коснулась носа:

— Бедный малыш! Проснись, милый! Пойдём со мной! — кто-то нежно гладил его по спине. Пёс приоткрыл глаза, ожидая увидеть хозяина, но неожиданно очутился в объятиях тёплого, доброго существа — ангела, посланного Богом во спасение.

Вихрем налетела мохнатая, упитанная собака. Тщательно обнюхала, фыркнула:

— Фи, плохо пахнет... бродяга!

— А мы его постираем, накормим, будет как новенький! Посмотри, Маня, малыш похож на медвежонка. Назовём его Орик!

Девушка, которую щенок принял сначала за ангела, оказалась такой же уютной, как и первый хозяин, правда, пахло от неё вкуснее — чем-то сладким и ароматным.

— Какой же ты красивый, душистый мальчик, — приговаривала спасительница, насухо вытирая его полотенцем после купания. И даже брезгливая Маня лизнула малыша в нос — признала!

Так щенок поселился в маленькой, уютной, но бедной квартирке, где было много добра и очень много любви. Утром девушка уходила на работу, а собаки ждали её весь день у окна.

Под подоконником стоял диван, и если на него забраться, можно весело провести время, наблюдая за людьми, машинами, животными. Окно для собак было чем-то вроде телевизора для людей. Ближе к вечеру знакомая фигурка девушки выпрыгивала из маршрутного такси. Раздавался топот каблучков в подъезде, и собаки с нетерпением скулили, толкались у входной двери. Наконец, поворот ключа в замочной скважине, и любимый человек на пороге! Радостная возня, игры, прогулки...

Иногда посреди веселья Орик чувствовал на себе тревожный взгляд девушки, пытался понять её слова:

— Надо искать Орику хорошие ручки... Мы не можем его здесь оставить — двух собак на съёмной квартире держать не разрешат.

И однажды за щенком пришли незнакомцы.

— Они добрые, будут любить тебя, малыш! Я обязательно приеду навестить, прости! — обнимала его на прощание девушка.

* * *

Как же она ошиблась! Новые хозяева оказались совсем не добрыми. И щенка не любили. Похоже, они вообще не знали, что такое любовь. И зачем им понадобился пёс? Ради удовлетворения жажды безграничной власти над слабым и беззащитным созданием?

Мужчина и женщина постоянно ругались, кричали друг на друга... От страха Орик дрожал, даже иногда писался. Его не баловали регулярными прогулками, но за подобные «преступления» немилосердно били.

У малыша менялись молочные зубы, постоянно хотелось что-то грызть, но игрушек в доме не было, и приходилось чесать зубы о мебель, стулья, обувь. Жестокие наказания за попорченные вещи следовали незамедлительно: били поводом по спине, морде, лапам — иногда несчастный хромал несколько дней.

Чувствуя свою никчёмность в этой семье, малыш совсем перестал слушаться: не выполнял команды, не хотел возвращаться с прогулки. И мечтал вернуться домой, туда, где его любили и переживали за его судьбу. Он всегда знал об этом, даже на расстоянии. И однажды летом ему повезло — новые хозяева просто «забыли» пёсика на улице... Теперь он был свободен и мог пуститься на поиски своего настоящего дома.

* * *

Жарко! Днём Орик страдал он жажды, ночью не мог уснуть от голода. Где найти пищу бездомному псу? По запаху пришёл к магазину, откуда люди всё время выносили сумки с едой. Если добрый человек заметит твой жалобный взгляд, обязательно бросит кусочек булочки, пирожок или даже сосиску... Более щедры на угощение дети — всегда дадут конфетку, пряник, кусочек колбаски. А если нечем угостить, поглядят, пожалеют — ведь от малейшей ласки у любой бездомной собаки становится на душе теплее.

Вскоре пёс подружился с постоянными покупателями, знал, кого и когда ждать у входа, кого опасаться. Большая гематома на лапе ещё долго напоминала ему злобную бабку, дыхнувшую над ним как-то водочным перегаром:

— Что разлётся, скотина?

И сильный удар костылём. С тех пор пёс опасался пьяных и старался держаться подальше от подобных «творений» Бога. Место для ночлега нашёл в окрестном парке, неподалёку от павильонов с шашлыками, где всегда много объедков. И в первый же вечер познакомился с двумя хвостатыми бедолагами.

Большая старая овчарка когда-то служила в полиции, но с возрастом потеряла рабочие качества. Тратиться на корм и лечение ветерана начальству не хотелось, и повелели её застрелить. Приказ выполнен не был — некто «сжалился» над хвостатым напарником и слепую, беспомощную лохматую старушку с изувеченной в боевой операции лапой выбросил на произвол судьбы у городского парка. Хромая, с прогнувшейся спиной, без зубов, собака мучилась от голода — найти пищу себе не могла.

Большую часть времени она лежала в тени под деревом, дремала на солнце. При ней всегда находился друг — пёс-инвалид: бывший хозяин в пьяном угаре отрубил ему заднюю лапу. Пёс шустро бегал на трёх, но уставал быстро. Кормился на помойках, рылся в урнах — просить, как Орик, не мог, — испытывал дикий ужас перед людьми.

— Нет существа страшнее человека! Найти бы место, где людей нет вообще... — мечтал инвалид.

— Не повезло тебе! На свете много добрых и ласковых! Ты обязательно найдёшь такого!

Но инвалид не верил, люди в его представлении — злые, пьяные рожи, мат и побои... А Орик, хоть и не раз уже получал тумаки, продолжал верить в человечество. Друзья каждый вечер с нетерпением ждали его возвращения: никогда не забывал Орик принести им что-нибудь съестное: кусочек булочки, косточку или даже рыбий хвост.

— Спасибо, друг мой, — урчала довольно старушка-овчарка, — ты добрый малый...

Промчалось жаркое лето, наступила осень. Орик не терял надежды найти девушку. Помнил: она всегда садилась в маршрутку, когда выходила из дома. Пёс видел это собственными глазами — из окна.

И однажды, учуяв знакомый аромат духов, побежал по следу, покрутился на остановке, залез в маршрутку, притаился, спрятавшись за большой сумкой на задней площадке. А когда народу стало меньше и места освободились, прыгнул на сиденье, устремил свой взор в окно, а там — люди куда-то бегут, дома уплывают, машины проносятся...

Если долго смотреть, рано или поздно девушка обязательно появится — так было всегда, когда собаки ждали её возвращения. Маршрутка затормозила, и в открытую дверь вновь повеяло знакомыми духами. Пёс выскочил из машины, помчался по следу. Ещё немного, чуть-чуть, и он догонит, обнимет лапами, оближет родное лицо...

Вот и худенькая фигурка в знакомом пальто, Орик бросается на грудь:

— Здравствуй! Я вернулся!

— Пошёл отсюда! Брысь! Напугал, поганый пёс! — визжит и топает ногами незнакомая женщина...

— Обознался! — поджав хвост, пёс испуганно кидается в сторону.

Навстречу бегут ребяташки:

— Собачка! Можно тебя погладить? Здорово ты напугал нашу училку!

— Дети! Гладить бродячих собак нельзя! — взвизгивает возмущённый педагог, — он больной, заразный, бешеный! Да, да, бешеный!!!

— Нет, не заразный, не бешеный! Добрый! — кричат ребята, — беги за нами, дружок!

И пёс устремляется за стайкой ребят:

— Есть хочешь? Возьми бутерброд!

Орик жадно хватает хлеб, сыр, колбасу, и даже кусочки яблока.

— Да ты настоящий обжора! Жорик! Обжорик!

Пёс прыгает от радости: дети знают его кличку — он же Орик!

— Опять с собаками возишься! — раздаётся женский голос, — вдруг укусит!

— Не укусит, мама! Давай возьмём его домой? — просит девчушка, — пусть с нами живёт! Жалко его!

— Заработаешь, тогда и заводи. А мне дармоеды не нужны! Денег и на тебя не особо хватает! Марш домой! И руки помой! С мылом!

Каждый день Орик ждал ребятшек у школы. Рядом с ними он вновь ощущал себя щенком — хотелось резвиться, радоваться жизни! А когда ребята разбегались по домам, пёсик понуро брёл на остановку маршрутки. Вместе с другими пассажирами садился в машину, занимал заднюю скамейку и смотрел в окно.

— Водитель! Собака зайцем едет!

— Развели псин, даже в общественном транспорте некуда деться, гоните собаку!

— Пса не обижать! — раздался голос водителя, — он же хозяина разыскивает! Друг верный!

Орик не знал, что шофёр маршрутки взял над ним «шефство», и теперь он, хотя бы на время поездки, находится в полной безопасности. Опасаясь проехать нужную остановку, пёс подходит к кабине водителя, становится на задние лапы, внимательно смотрит вперёд.

— Боишься заблудиться? Тебе вроде здесь! Выходи!

Пёс благодарно вильнул хвостом, выскочил...

— Приходи ещё — покатаю!

С тех пор каждое утро Орик неизменно ждал маршрутку на остановке, садился в машину дяди Миши и, удивляя пассажиров, разъезжал по городу, внимательно разглядывал всё, происходящее за окном. Вечером с благодарностью уминал лакомый кусок, приготовленный заботливым шофёром на ужин.

— Взял бы тебя домой, — дядя Миша гладил Орика по спине, — да не могу — жена собак не любит. Видать, ты верный друг. Счастлив, должно быть, человек, у которого такая собака. Колбаску-то куда понёс, Жорик!? — но пёс уже бежал к друзьям, на ночлег, под тёплый бок овчарки...

Зима в тот год была суровой. В убежище под павильоном прижавшиеся друг к другу хвостатые друзья согревались, спасаясь от жестоких морозов и сквозного ветра. Порой морозы бывали настолько сильными, что не хотелось вылезать на улицу. Зарывшись носом в шерстяной бок друга, пёс чувствовал себя комфортно, как когда-то в далёком детстве.

Но голод побеждал, и Орик, поджимая мёрзнувшие лапки, спешил на остановку. Киоски в парке закрылись — старым собакам найти еду было нелегко, и он стал единственным источником пропитания для своих друзей, ведь его подкармливали все — водитель, пассажиры, школьники...

Овчарка за зиму совсем сдала: шерсть висела клоچьями, глаза гноились. Она с нетерпением ждала прихода весны: вылезет травка — витамины и лекарство, можно будет подлечиться и прожить ещё хотя бы лето... А когда

вокруг зазеленело и запели птицы, старушка выползала на солнце прогреть старые косточки. Скоро в парке откроются киоски, и безлапый сможет на-ходить в помойках остатки мяса.

Вот и пережили зиму...

* * *

Прошло девять месяцев, как Алла начала искать Орика. Однажды, решив навестить щенка в новой семье, она с ужасом узнала — малыш «потерян»... И хозяева даже не думают его искать.

Плакаты с приметами собаки девушка разместила в газетах, расклеила на столбах, в зоомагазинах, и даже остановках транспорта. Но поиски результата не дали — надежда найти Орика постепенно слабела.

Надвигались холода. Сможет ли пережить когда-то домашний пёс суровую зиму? Уберегут ли его молитвы от равнодушия и человеческой жестокости? И когда уже казалось, пёс потерян навсегда, увидела фотографию в газете и подпись: «Сегодня такой пассажир катался на 123-м маршруте»: «Ехала сегодня в маршрутке с улицы Композиторов до Озерков. На улице Асафьева залезает этот пассажир. С деловым видом выбрал себе место и совершенно без зазрения совести или доли смущения доехал до Озерков и там вышел».

На фото был Орик, сомнений не было. Алла тут же выехала на поиски. Водители маршрутных такси посоветовали ей обратиться к дяде Мише, но вести его оказались неутешительными — Орик не появлялся несколько дней.

* * *

— Не нравится мне этот пёс, всё время здесь вертится. Укусит кого из детей, а нам отвечать! — жаловалась директору школы учительница, так невзлюбившая Орика, — надо бы отлов вызвать...

Близилась майские праздники, и для муниципальных властей они всегда были поводом для «зачистки» от бродячих животных. Уже в начале апреля в городе началась традиционная, жестокая и кровавая бойня.

В тот вечер, как всегда, с куском булки в зубах, Орик возвращался в парк, к друзьям. Не доходя до убежища, почуял неладное — тишина, собак не слышно. Друзей под павильоном не оказалось, зато везде — на земле, асфальте, траве — пятна свежей крови... Её запах привёл пса к дороге — здесь тела собак погрузили в машину, далее лишь следы колёс...

Воздух пропитан страданием и болью. Надо бежать отсюда — убийцы могут вернуться! Несколько дней Орик прятался на территории

заброшенной базы. И не мог свыкнуться с мыслью: никогда более не увидит он, как радуется старая овчарка тёплому солнышку, никогда не убедит он калеку в том, что мир не так уж плох, а люди не все злые. Не довелось встретить инвалиду доброго человека. Прожил жизнь в ужасе и принял смерть мученическую. Нет существа страшнее человека! Найти бы место, где нет их вообще...

А как же его первый хозяин, добрая девушка, дядя Миша, дети, которые его так любили? Вот кто защитит его! Надо бежать к ним...

Алла сразу заметила припаркованный у школы светлый микроавтобус. Многие владельцы собак в Петербурге знали, какому страшному и безжалостному извергу принадлежит эта машина. А вот и он рядом, высокий, костлявый живодёр — символ ужаса и боли... Неужели отлов вызван на Орика? Господи, спаси и сохрани малыша!

Садист всегда ездит с напарником, значит, он где-то рядом, высматривает жертву...

— Жорик вернулся! — раздались детские возгласы.

— Жорик, иди к нам!

Навстречу бежал Орик, улыбался, вилял хвостом, сиял от счастья. И вдруг движение в кустах, ствол ружья и человек, прицелившийся в бегущую собаку...

— Малыш! Орик! Ко мне! — в отчаянии Алла бросилась наперерез, — закрыть собой от ядовитого дротика!

Пёс развернулся, кинулся в объятия. Девушка! Его любимая! Не зря он так долго смотрел в окно!

— Тётя, это ваша собака? — окружили дети.

— Ребята, Жорик нашёлся!!! — толпа школьников росла.

Крепко обхватив руками пса, Алла видела, как удалялся светлый фургон. А Орик был счастлив: скулил, подпрыгивал, пытаясь облизать, расцеловать, обнять... Он знал, он чувствовал — здесь его спасение, ведь на свете добрых людей больше, чем злых!

Орик наконец нашёл свой постоянный дом, вместе с Аллой и Маней он и сейчас живёт в Петербурге и всё так же любит смотреть в окно...